
ЗНАНИЕ И НАУКА

А.И. Неклесса

*Лаборатория геоэкономических исследований
(Лаборатория «Север-Юг») Института Африки РАН*

Естественные науки (экспериментальная философия) – следствие переосмысления категории истинного знания в свете христианского богопознания. Истинность или ложность знания подтверждается/опровергается посредством испытания творения/природы в ходе эксперимента, а не результатами непротиворечивых, логически обоснованных умопостроений (спекуляций) изменчивого человеческого сознания, получивших статус гипотез. В начале XX века квантовая механика подтверждает несовместимость экспериментально полученного знания и способности человека (при его нынешней форме сознания) усваивать приоткрывшуюся картину мира. Тем не менее феномен естественной науки позволяет исследовать также те явления, которые человек не способен представить как логически непротиворечивые.

Ключевые слова: знание, наука, гуманитарные дисциплины, теория, практика, технология, свободные искусства, эпистемология, культура, сложность, сознание, христианство, теология.

Три пути ведут к знанию: путь размышления – это путь самый благородный, путь подражания – это путь самый лёгкий и путь опыта – это путь самый горький.

Конфуций

Среди раздора найдите гармонию.

Альберт Эйнштейн

Естественные науки явились следствием христианского переосмысления знания как результата богопознания, реализуемого посредством испытания творения (природы), а не логически обоснованных умопостроений (спекуляций), получивших статус гипотез. Между тем эта революция лишь частично затронула гуманитарное знание, исключив его из сферы объективного знания (здесь данная позиция принадлежит Откровению), ибо предмет его – творения человека, а не Творца. Но одновременно привнесла в него флер сциентизма, наложив неоправданные для рассуждения (дискурса) ограничения, ведущие на практике к редукционизму. Вследствие подобной мимикрии обобщение, обретаемое в результате рассуждения, претендует на статус хотя и транзитной, но объективной объектности (de jure), представляя, однако же, на деле (de facto) сумму субъектностей, прошед-

ших семантический фильтр сознания и ассимиляцию. Другими словами, высшие постижения интегрируются с разнообразием общедисциплинарных клише и прагматичных, тактических заблуждений, ибо в гуманитарных дисциплинах отсутствует эксперимент, способный вне сферы людских суждений прояснить, легитимировать ситуацию, представив факт. Иначе говоря, эксперимент по установлению факта замещается опытом практики, верифицирующим эффективность, и ситуационным консенсусом. Данное препятствие, кажущееся непреодолимым при катафатическом миропостижении, отчасти преодолевается при апофатическом подходе, способном помимо возможностей аналогового и аналитического мышления использовать потенциал внекатегориального познания.

Композиция знания

Несколько по-своему интерпретируя мысль Конфуция, можно сказать – благородный познает мир размышляя, умный – усваивая опыт других, разумный учится на собственных ошибках, невежда вновь и вновь повторяет путь. Существуют различные способы организации знания. Категориальный (философский) подход был реализован в Древней Греции, где было совершено промышленное знание. Вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий: «руль», «рулевой» превратились в искусство управления – κυβερνητική, крепежная скоба мачты – в ἀρμόνια как эстетическую категорию и т.п. В Элладе фактически присутствовали два «облака» знания – старое/традиционное и новое/философское. Внутренняя же организация зависела от объекта исследования: бытие/состояние – человечество/изменение – изделия/опыт.

В «старом» знании первым доменом был религиозно-ориентированный круг рефлексии, то есть осмысление скреп и манифестаций божественной гармонии как сочетания беспредельности и предела, совмещение исчисляемого и неисчислимого: мифология (экспликация языка архетипов и вербализация ритуала), космос (соотношение имеющего границы и бездонного, развернутого, то есть истоки субстанции бытия), числовая мистика (универсальный порядок, разнообразие гармоник, музыка сфер), эстетика (пропорции, законы формы и красоты).

В «новой» системе это пространство теории (θεωρία) – исследование мира идей, принципов и самой субстанции бытия. Предметами же являлись метафизика («первая философия»), математика, физика, натурфилософия (естествознание), астрономия.

Второй регистр – размышления о природе рукотворных перемен, о человеческой участи и натуре, людских свойствах и устремлениях, действиях и следствиях, девиациях и ограничениях. В доклассической организации знания это смешение фроне́сиса (φρόνησις – житейская мудрость, обретаемая с возрастом и охватывающая при этом наследуемые традиции) и отчасти фюсиса (φύσις – развивающееся естество, здесь – именно в аспекте антропо-

логического развития). Иными словами, знание ритмов жизни и ее ситуаций вкупе с внутренними откровениями, диагностическими ориентациями, категориями правильного и неправильного, добра и зла, этоса (ἦθος – регулятивные черты характера) и пайдеи (παιδεία – воспитание/образование). Предметные же области: литургия (ритуал, то есть невербальное знание и пути деятельной трансляции), драма (δρᾶμα – действие, исполнение), поэтика (ποίησις – творение) в ипостасях трагедии и комедии.

В новом знании это практика (πράξις) – исследование системы деятельностных взаимоотношений в человеческом общежитии, путей и способов обретения блага. Ее предметы – этика (ἠθικόν) и политика (πολιτική), включавшая экономику (οἰκονόμος) и хрематистику (χρηματιστική).

Наконец, третий ареал очерчивался фронтисисом в аспекте сохранения и совершенствования умений. Это способы культивации мира, достижения результата, то есть все то, что представляет искусство преодоления природных обременений и разрешения коллизий. Данное «поле» умелого знания изначально сопрягалось с древнейшим своим изводом – чтимым земледелием, имевшим сакральные корни.

По мере развития искусности здесь аранжируются обретенные от божественного огня умения свободных людей, творческие знания. Аккумулируются также практические навыки – происходит обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные. А еще педагогика (παιδαγωγική) – искусство элементарного возвращения человека, его воспитание.

Модификация данного ареала получила в новой структуре название технэ (τέχνη), или искусство как мастерство.

Искушение знанием

Возможность размышлять о предметах и явлениях независимо от актуального состояния, рассуждать в условиях, когда доказательность имеет большее значение, нежели утверждение, произвела в умах революцию, навлекая на мыслящее сословие безумие тотального релятивизма, вызывая опьянение потенциями разума, оторванного от бытия, и порождая эвристическое бешенство софистики.

Это была иная дерзость, нежели «свойские» отношения между людьми и богами, характерные для персонажей Гомера. Антропологический субъективизм становился руслом и регламентом умственного действия. Его лозунг: «Влиять, а не определять» – намекает на будущие горизонты идеологии и политтехнологий. Выбор заключался в ответе на вопрос: «Что важнее – понять или утвердить?»

Скепсис Сократа противопоставил смиренную созерцательность умозрительному дерзновению. Мысль о том, что рациональное знание необходимо и возможно именно потому, что ум знает свою ограниченность, имела далеко идущие следствия. По сути, Сократ обосновал разработку инстру-

ментария познания (его протезов) и обустройство интеллектуальной инфраструктуры.

Следствием круговорота амбиций софистов и разочарований стоиков явилась экзистенциальная растерянность киников, распятых меж миром века сего и миром горним (Диоген). Тем временем произошло переосмысление разрыва, схизмы между немощью человека и полнотой реальности – былым свойским отношениям с божественной запредельностью положен конец: осваиваемый ареал бытия определен как контур, тень истинного положения вещей (Платон). Обретение же когнитивных инструментов, регламентов вело к формализации мировоззренческой конструкции и как следствие – к рационализации жизни в виде мироустроительного проекта (политики и стратегии). Обнаружение же истины (познание) становилось технологическим действием, целостным, соразмерным в своей внутренней структуре, но опосредованным (то есть не непосредственным) и суммарным в поступательной динамике рассуждения. Венцом ментальной инженерии стало значимое непротиворечивое суждение: аргументированное, испытанное дискуссией, признанное конклавом и потому принимаемое как истина (Аристотель).

Истина, таким образом, постигалась через полноту знаний (гнозис, γνῶσις), понимаемую как синтез авторитетных суждений и выводов (эпистема, ἐπιστήμη), а сложность логически неодолимых препон – как комплексность, частично проясняемая по мере прохождения сквозь фильтры аксиом, препятствия теорем, ограничения таких волнорезов, как категории и отчасти как сверкающие мыслимыми гранями бриллианты апорий, которые можно разбить молотом, но нельзя процарапать ментальной субстанцией.

Результатом явилась оригинальная для своего времени целостность – умозрительная непротиворечивая эпистемология: «наука» зона как организованное логикой знание (правда, с пристройкой террариума неразрешимых парадоксов). В свою очередь, подразделяемая на теорию (размышления о принципах мироустройства), практику (объект рефлексии – социальные явления) и технологию (осмысление опыта умений, искусность).

Соприкасаясь с миром природы и человеческих потребностей, мощь нового сознания рождала многочисленные производные от союза логики и эмпирики (в диапазоне между Эвклидом, Эратосфеном, Архимедом).

Рождение науки от семени Средневековья и духа Нового времени

В Европе второго тысячелетия возникает организация знания, которая с некоторыми модификациями сохранилась до нашего времени. В нее заложен иной мировоззренческий подход: христианский взгляд на смысл бытия как явления, совершенное понимание которого оказывается за гранью человеческого разума, но процесс постижения остается в пределах возможного. Порядок вещей не умопостигаем сам по себе: он сопряжен с императивом познания закономерностей мира посредством непредвзятого исследования

творений (естества). А усвоение приоткрывающейся иной логики – с неординарными усилиями по трансформации мышления (и собственного естества).

Умственное производство оказывается вновь востребованным возродившейся новоевропейской городской средой, однако уже как ремесло. Университетская культура и последующие индустриальные формы получения/трансляции знания, надеюсь, еще станут предметом обсуждения на заседаниях семинара. Здесь же отметим: на заре Нового времени в условиях проникновения в Европу аристотелизма (причем в аверроистской трактовке) проблема знания как такового, его организации и «упаковки» приобретает острый характер. В конце XIII века в Парижском университете проходят две масштабные дискуссии, фактически имевшие следствием рождение науки в современном ее понимании. Действительной рефлексии Аристотеля о перводвигателе («движущей причине») и нисхождении следствий, определяемых в соответствии с законами логики, – то есть соблюдению принципа непротиворечивости как критерия истины – была противопоставлена иная позиция: испытание реальности в эксперименте.

Ход рассуждения был приблизительно следующим: ум всемогущего свободного Творца кардинально отличен от ума человека, превосходит логику и не всегда понятен (Книга Иова). Поэтому в отыскании истины нельзя исходить лишь из логически обоснованных установлений, сколь бы очевидными те не представлялись. Познавать же реальность можно, прибегая (помимо Откровения) к непосредственному испытанию творения, ибо, будучи созданным Творцом, оно в своем естестве содержит – и приоткрывает взыскующему – грани Его мудрости, отчасти замыслы, приближая к истине и развивая разум.

Исследуя природу и человека как созданные субстанции (содержащие печать, отзвук, образ мыслей и намерений Творца), мы просвещаемся не только представлениями несовершенного человеческого разума, быть может, обманывающегося. Критерием истины становится эксперимент, опытная проверка гипотезы, и тогда мы начинаем понимать закономерности, исходя не из голых умозаключений, порождаемых тем или иным типом сознания, но из опознания запечатленных в творении («объективизированных») мыслей и установлений, не всегда и необязательно совпадающих с человеческими предположениями о них.

Новая организация знания формируется и легитимируется в Европе на основе данного постулата, то есть христианского взгляда на принципы опознания регламентов бытия. Знание уже не умозрительно (*speculatio*), но требует обязательной верификации предполагаемых закономерностей через непредвзятое исследование природы. Античная «наука» – натурфилософия – в своих основах была гипотетична, принципиально умозрительна, спекулятивна, техническое же знание оставалось искусством – реализацией секретов профессионального мастерства. Причем достигнутые однажды эксперимен-

тальные результаты могли и не учитываться в последующих умозаключениях (вспомним, к примеру, судьбу замечательных опытов Эратосфена).

Так формируется предметность новоевропейских естественных наук (science) как подтвержденного экспериментом логичного суждения, предполагающего обязательное опытное исследование объектов, существующих независимо от человека (проверка гипотез). Постулаты подобного подхода – контекстуальность науки (связь привносимого с познанным требует экспериментального доказательства либо столь же обоснованного опровержения), «брита Оккама» (лапидарность обоснований), универсальная воспроизводимость опыта.

Гуманитарное знание (scholarship), включающее социальное и сферу математики (логических инструментов), – сумма дисциплин, исследующих дела людей, творения их ума, рук, сердец, постулирующих и развивающих саму семантику постижения. Такое знание является дисциплинированным (отвечающим определенным требованиям) рассуждением, сферой свободных искусств.

Конкурирующими институтами обретения знания (и развития личности) становятся университет, затем – академия.

* * *

Линейная «аристотелева» логика не была, однако, списана со счетов: проиграв богословский спор, она выиграла практику и подвела со временем цивилизацию к кризису.

В чем привлекательность аристотелизма? Главным образом в четкости и эффективности. Логика Аристотеля была внятна для сложившегося типа мышления, но что более важно – она удобна для прагматичного использования, не требуя удержания вроде бы избыточной в житейских вопросах сложности. Антиномийная же природа бытия расценивается скорее как экзотичный аспект, по-своему перспективный для исследования.

Упрощение мысли, упрощая жизнь, не упрощает реальность, но люди вольно или невольно склоняются к подобному ее прочтению. Соответствующим образом менялось направление научного поиска: от взыскания истины смещаясь к прагматичному использованию знания – производству эффективных механизмов, действенных решений. И в конце концов – к примату технологий над жаждой приобщения к истине. Иначе говоря, вместо обретения инструментария для богопознания произошло обожествление знания (dum perfectum) и одновременно его симплификация, позволявшие обустроить и заселять мир.

Напомню, Аристотель рассуждал следующим образом: истина логична, божественность действует ясным образом, собственно это и не Бог, а перводвигатель, передающий миру некий начальный импульс, мы же, моделируя шаг за шагом механику бытия, конструируем сложную, но непротиворечивую систему, постигая суть жизни и порядок вещей. Другими слова-

ми, шаблоном отыскания истины с некоторыми оговорками оказывается часовой механизм, автомат, автоматон.

Приблизительно до рубежа XX века подобный подход демонстрировал эффективность, способствуя вкупе с постулатами Просвещения распространению рационализма, техницизма, индустриальной культуры. Затем произошло неожиданное: свойства природы, приоткрывшиеся в начале прошлого века (в особенности на уровне микромира¹), существенно разошлись с кодами мышления – общепринятыми, впечатанными в психику представлениями о принципах и координатах мироздания.

Вскрылся ряд впечатляющих несоответствий между экспериментально установленными фактами и устоявшимися взглядами на природу пространства, времени, взаимосвязь субъекта и объекта. Человек обнаружил: его мыслительный аппарат, аподиктическая карта мира не вполне соответствуют реальности проживания, однако исследование реальности позволяет менять упрощенные представления, преобразовать сознание, совершенствовать ум. Сама новоевропейская наука, основанная на позиции обязательной экспериментальной проверки любых непротиворечивых построений, предъявила тому доказательства. И предоставила изоциренный инструментарий, одновременно предъявив запрос на усложнение мышления, способность удерживать антиномии и оперировать непростыми для современного человека композициями, все чаще извлекаемыми опытным путем из практики.

И если бы не было новоевропейского подхода к исследованию бытия, не было экспериментально верифицированной науки, основанной на принципах христианской теологии, то человек оставался бы в неведении относительно гораздо более сложной, нежели предполагал, но и более реальной картины мира. Люди продолжали бы конструировать непротиворечивые гипотезы на языке логики, простодушно полагая их за истину. И создавали бы, как теперь понимаем, примитивные – с позиций сегодняшнего дня – механизмы. Сложные же, основанные на вскрытой и отчасти познанной нелинейности мира, преобразующие сегодня человеческий и природный космос, оказались бы недоступными, ибо основания их нередко лежат за гранью привычной логики.

Кризис провоцировал и стимулировал дальнейшие размышления о новой рациональности, о радикально ином типе рефлексии, обновление методологии познания и действия. Востребованными оказались взгляды на природу знания, остававшиеся долгое время в стороне от столбовой дороги цивилизации. В том числе развивавшиеся апофатическим мышлением и синергичным сознанием.

---

¹ Кстати, теория относительности и квантовая механика и поныне полноценно не стыкуются, фактически это «разные физики», то есть до сих пор отсутствует единая физическая теория, и мы существуем в ментально парадоксальном мире.

* * *

Сегодня явно и неявно происходит реорганизация актуального знания на постулатах, отличных от классических формул его разграничения на научное, дисциплинарное, прикладное.

Черты эпистемологического транзита в конституции знания как института можно различить, к примеру, в концепции слияния науки и технологии в синтетическую форму технауки. Переосмысление феномена европейской науки под маркой знания о технологиях фактически реализует паллиативную конструкцию, где на основе либерального подхода к теоретической верификации закономерностей, обретаемых порой по принципу «черного ящика», коррумпируется континуальность науки. Кроме того, допускается неотчетливость, избыточность обоснований – избыточность, фактически нивелирующая «бриту Оккама». А при высокой эффективности результата (параметр, становящийся доминантным) «закрываются глаза» на высокую степень неустойчивости выявленных закономерностей, а подчас и на уникальность и спорадичность их проявления.

Можно также представить реконструкцию шаблона в виде тетраграммы, описывающей четыре ситуации:

- рациональное, отчуждаемое от создателя – формальное, дисциплинарное знание;
- рациональное, неотчуждаемое – экспертиза как персональное искусство;
- нерациональное, отчуждаемое – объекты художественного творчества;
- нерациональное и неотчуждаемое – мастерство, манифестацией которого является субъект сам по себе.

Знание и действие

Мы живем в мире, субъективная неопределенность которого заметно возрастает. Кроме того, в течение XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше акций мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширнее сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает рост технологической неопределенности, а именно снижение надежности техносферы. Закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических, социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление, реагирование политическая, деловая практика раз за разом ставят перед лицом, принимающим решения, дьявольские альтернативы.

Естественно, возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. При усложнении контроля над ситуацией повышается значение креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать скоропись нестандартных обстоятельств, поддерживать душевное равновесие, активный интеллектуальный, творческий статус.

Homo sapiens способен принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных. Однако длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в затворе механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам, аристотелизму), мы оцениваем возможности собственного естества по прописям культурного эталона, основа которого – обобщение, нисходящее на практике до стандарта.

Человек сегодня – органичная часть управленческой механики, исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность», подвергаясь долгое время своего рода индустриализации, содействовала обезличиванию и отчуждению. Но, будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди сохранили способность к операциям нестандартного свойства, подчас спонтанным, эффективным и продуктивным.

Анализируя позитивные/негативные обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем на его основе делать выводы, ведущие к кардинальному изменению процесса принятия и реализации решений. И все-таки в мире нарастающей мощи машин силы физического человека кажутся пошатнувшимися, возможности – ограниченными. Обстоятельства же все чаще требуют наличия либо выявляют отсутствие уникальных ресурсов, особых человеческих качеств, указывая одновременно на альтернативы, в частности на ту или иную форму протезирования недостающих свойств: киборгизацию, искусственный интеллект или эффективную методологию действий в условиях неопределенности.

Со времени мировых войн методология познания/действия и культура управления объектами, субъектами, ситуациями, событиями претерпела ряд внутривидовых революций, произведя на свет такие регламенты, как исследование операций, системный анализ, системная динамика, теория высокоадаптивных самоорганизующихся систем, эффективно действующих в среде комплексных, критических ситуаций. Но сейчас, по-видимому, мы находимся на пороге еще более значимого транзита в данной области.

В XX веке произошло не просто усложнение характера операций. Постепенно основным объектом внимания становится не столько состояние настоящего либо будущего (отложенное целеполагание), сколько сам процесс как практика перемен и возможный статус бытия.

Необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными ситуациями, зарождающимися на грани турбулентности и хаотизации, предопределила поиск инструментария, соответствующего конститу-

ции сложных и сверхсложных организованностей. Развиваются технологии матричного, рефлексивного, точечного, семантического (рефлекторного), внешнего управления. Исследуются возможности использования критических зон, облачных структур, терминалов, хабов, аттракторов, идеалов и т.д. Все это ведет, в частности, к переоценке антропологического фактора. Человек перестает быть лишь операциональным элементом системы – объектом, функцией, агентом, его сознание, отношения с природой и обществом претерпевают серьезную перестройку.

Кроме того, с расширением спектра значимых взаимосвязей открываются новые обстоятельства. Очередным рубежом стало понимание и освоение методов синергического управления в присутствии неклассического оператора.

Выясняется, к примеру, что, как и в природных процессах, присутствие индивида в социальном космосе, его намерения нестандартным образом влияют на событийный ряд (феномен «неклассического оператора»). Сама субстанция бытия и ее состояния оказываются связанными с субъектом теснее, нежели представлялось. Избранный идеал, смысловой регистр универсальным образом настраивает события, и, что важнее, определяет стратегический горизонт, а также создает режим наибольшего благоприятствования движению в избранном направлении. Или же напротив – провоцирует жесткое противодействие среды.

Иначе говоря, действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения технических условий, психологии либо морали, но и с позиции, которую можно определить как метафизическую, оказывается помимо прочего серьезной практической, едва ли не прагматичной проблемой.

Взаимодействуя со все более высокими уровнями сложности, постигая и формулируя, в частности, статус постсекулярности, мы ощущаем присутствие сил, законов, конструкций, которые до конца не понимаем, однако пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем (в качестве примера укажу на такие явления, как *synchronicity* и *serendipity*). Подобный подход, позволяющий осознанно и продуктивно действовать в ситуациях серьезной неопределенности, предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы/знания от субъекта и даже от метафизических обстоятельств.

Самоорганизующаяся критичность

«Универсум художественного творчества весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией. Вырисовываются контуры новой рациональности, к которой ведет идея нестабильности. Современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, по преимуществу нарративные науки – с одной стороны, и собственно наука, ориенти-

рованная на поиск законов природы, – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается» (Илья Пригожин).

Истина прозревается, а правда зависит от позиции наблюдателя. Роберту Музилю принадлежит сентенция: «Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим несуществующее положение вещей.

Факт выше суждения, а тенденция выше факта. Секрет прозорливости: в текущем узреть настоящее, которое есть будущее в скорлупе прошлого. Востребованной оказывается способность прозревать неочевидный, неопи- санный, неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную компетенцию Вия, могущего видеть в мире живых нечто недоступное рядовым призракам. Для людей критически важно различение признаков, чтобы действовать в ситуации неопределенности, а в сфере политики – опознавать социогены, рассеянные в современности.

Сложность прогностики этим, однако, не исчерпывается. Умение выделять из обыденного перспективное необходимо для реализации запланированного, однако зазор между восприятием и реальностью *per se* – калейдоскоп иллюзий. Вторжение неожиданностей усложняет алгоритмы защиты, логику и логистику: неслучайно определение возможной реальности с особой коннотацией – грядущее. Мы существуем в расщелине между перепрочтениями настоящего настоящего.

Рассуждение венчает заключение: успех планирования связан не только с определением оптимального пути, но также с динамичным статусом цели. В этой связи приходит на ум высказывание Андрея Колмогорова: «Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье-Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны – что гораздо важнее всех доказательств», – хотя на сегодняшний день это звучит, пожалуй, чересчур экзотично.

* * *

Кризис отношений с возрастающей сложностью и критическим статусом технических, биологических, социальных, антропологических систем предвосхищает коллапс управления/контроля, равно как стимулирует грядущий прорыв к радикально иным принципам познания/действия.

Уникальность возникающих ситуаций, их подвижный характер, взаимопроникновение (диссипация), универсальная связность (голографичность), каскадная новизна, нелинейность, высокая степень критичности требуют не просто очередной ревизии привычных алгоритмов действия или даже пересмотра эпистемологического тезауруса, но изменения самого способа освоения калейдоскопичного универсума. Существующий категори-

альный аппарат и методы конвертации обретаемого знания (подчас прямой его редукции) в силу обнаруживаемых несовершенств все чаще используются, если можно так выразиться метафорически, препятствуя восприятию новых ферментов и осознанию изменившихся форматов бытия.

Особенно впечатляют изъяны, вызовы, перспективы в сфере социальных и гуманитарных дисциплин, включая военные, происходящее переосмысление правовых, финансовых, информационных, математических теорий и практик, транзит от логики последовательного выстраивания процесса, смена дисциплинарного и индуктивного направления рассуждения («снизу вверх») на матричный гештальт, низводимый и актуализируемый в нужный момент в нужном месте.

Девальвация дисциплинарного консенсуса предопределила развитие таких методов, как негативная диалектика, самоорганизующаяся критичность, синергийный подход к миропознанию, миростроительству, ко всему пространству операций. И это лишь начало процесса, речь, по-видимому, идет о развивающемся состязании в преадаптации – параметрах социокультурной и методологической революции, об изменениях в языке и семантике, о генезисе иной рациональности, возможно фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. И не в последнюю очередь – об осмыслении самого модуса апофатического мировосприятия, а также о рецептах и сценариях постижения непостижимого, которые формулировались, развивались преимущественно в Византии в среде исихастов. В том числе о переносе акцента на внекатегориальное опознание/осознание инаковостей, когда знание о неизвестном оказывается не фокусировкой обретенной в разное время суммы аргументов, но узнаванием и познанием: иначе говоря, событием встречи и обладания, то есть фактом. Мы избороздили пространства ума, но не сердца.

Наконец, не исключено, что именно апофатическое мировидение и синергийный тип мышления/сознания, способный познавать неординарные идентичности, судить алогичные перипетии и выносить относительно них верные вердикты, не зная всех обстоятельств, вынужденных оперировать в среде беспорядочных иерархий в условиях губительной новизны, могут стать основой следующего поколения интеллектуальных практик, послужив трамплином для витка цивилизационной динамики.

Культура невербального постижения предполагает мгновенную ориентацию в распределенных множествах, облачных структурах, особую технику взаимоотношений с иным, усилия и процедуры по осознанию и удержанию неопределенной комплексности не только в ее существенных чертах, но в целостности и полноте. Другими словами, в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован специфический модус и опыт взаимодействия с формально неотрефлексированными, неопознанными, телеологическими и теологическими измерениями бытия...

Возникающие в связи с этим предположения, пожалуй, можно кратко изложить следующим образом: человек в обстоятельствах принятия крити-

чески сложных решений верно избирает и успешно преследует цели, если пребывает в непрерывном процессе трансценденции и саморазвития. Или на языке иной системы мировоззренческих координат – если он постоянно беседует с Богом.

KNOWLEDGE AND SCIENCE

A.I. Neklessa

Natural sciences (experimental philosophy) are a consequence of rethinking the category of true knowledge in the light of the Christian knowledge of God. The truth or falsity of knowledge is proved/disproved by testing creation/nature in the course of an experiment and not as the result of non-contradictory, logically sound constructs (speculations) of the changeable human consciousness that have been given the status of hypotheses. In the early 20th century, quantum mechanics confirmed the incompatibility of experimentally obtained knowledge and the capability of man (given his current form of consciousness) to assimilate the picture of the world that had been opened to him a little. Yet nonetheless the phenomenon of natural science also makes it possible to examine those phenomena which man cannot represent as logically non-contradictory.

Key words: knowledge, science, humanities, theory, practice, technologies, liberal arts, epistemology, culture, complexity, consciousness, Christianity, theology.